

Г.Р. ДЕРЖАВИН И СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА РОМАНСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Показано, что в эстетике Г.Р. Державина романс типологически соотносился с повествовательным испанским романсом и балладой, но в художественной практике поэта сохранялась связь с лирической традицией жанра. Анализируются творческие эксперименты Державина, закрепившие внедрение фабульного элемента в лирическую структуру романса, что способствовало увеличению вариативности его жанровых форм.

The article is dedicated to the problem of G.R. Derzhavin's interpretation of romance in the period of its formation as a genre of Russian poetry (end of the XVIII-th – beginning of the XIX-th Centuries). In G.R. Derzhavin's aesthetics it is typologically correlated with Spanish narrative romance and ballade. But in his creative practices G.R. Derzhavin kept the links with the lyrical tradition of the genre. The poet's creative experiments fixed the introduction of plot elements into the lyrical structure of romance which contributed to the increase of variations of its forms.

С творчеством Гаврилы Романовича Державина связано начало активного вхождения термина «романс» в новую российскую словесность. Так, в августе 1796 г. журнал «Муза» напечатал анонимно его «Романс на потопление NN» – стихотворение, по ряду признаков тяготеющее к балладе и публиковавшееся впоследствии с заглавием «Потопление» (см. Сочинения 1868–1878 I, 512). Державину же принадлежит одна из самых ранних попыток истолкования романса и систематизации сведений, касающихся происхождения, истории и теории жанра. Причем его мнение о романсе, который на русской почве задолго до усвоения иноязычного термина развивался по линии любовно-лирической, соответствовавшей национальной песенной традиции, и стремительно утверждался в поэзии сентиментализма и предромантизма в 90-е гг. XVIII в., было далеко не однозначным. Проблема державинского восприятия поэтической специфики романса, хотя и привлекала внимание литературоведов (см. Кабардин 1987; Саркисян 1990; Герлован 2007), до сих пор остается недостаточно освещенной. Поэтому интересно и целесообразно проследить взаимоотношения крупнейшего поэта эпохи с жанром, переживавшим в конце XVIII – начале XIX в. сложный период интенсивного становления. Рассмотрение особенностей понимания романса Державиным, выявление степени адекватности выдвинутых им эстетических требований художественной практике той поры, и в первую очередь самого поэта, позволят точнее диагностировать состояние жанра на данном этапе его историко-литературной эволюции.

Взгляд Державина на эстетическую природу романса запечатлен в итоговом литературно-теоретическом произведении «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде». Печатание «Рассуждения» продолжалось с большим перерывом на

протяжении 1811–1815 гг. в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова», но так и не было завершено при жизни поэта. Неизданное «Продолжение о лирической поэзии», в третьей части которого речь идет и о романсе, впервые опубликовано В.А. Западовым по авторской рукописи (см. Западов 1986). Небольшой раздел вмещает характеристики романса, достаточно емкие для того, чтобы можно было судить о восприятии его Державиным. Присмотримся к выведенной им теоретической модели жанра, представленной кратким историческим очерком.

Возникновение романса Державин относит к XI в., когда «первые начали писать сего рода песни трубадуры – прованские стихотворцы» (в конце раздела он еще раз именует трубадуров «первыми изобретателями романсов»), говоря вместе с тем об испанском происхождении жанра (см. Западов 1986, 258–259). Эссекурс к его истокам, предпринятый поэтом, не лишен противоречий. Но утверждение Державина о перемещении романсов из «Гишпании» во Францию небесспорно, особенно если учесть «арабско-андалусскую» теорию зарождения европейской лирики, постулировавшуюся выдающимся испанским филологом Р. Менендесом Пидалем. Согласно названной теории, арабо-испанская поэзия Андалусии предшествовала лирике Прованса. С точки зрения ученого, «провансальская песня могла родиться лишь при дворах Южной Франции; однако она не могла бы появиться на свет без сыгравшей важную роль влияния арабско-андалусской лирики» (Менендес Пидаль 1961, 504).

Судя по всему, Державину, не вникавшему в детали генезиса романса, важно было подчеркнуть его испанские корни, поскольку произведения разбираемого жанра ассоциировались у поэта с особо востребованным в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. испанским романсом – повествовательным (эпическим или эпико-лирическим) стихотворением, воссоздававшим картины из древней истории или из быта далеких времен, о чем свидетельствует данное в трактате развернутое толкование семантического аспекта романсов: «Содержание старинных романсов была всякая всячина: забавная и печальная, а особливо набожность, храбрость, честь, любовь. В них воспевались рыцари, дамы, волшебники, волшебни-

¹ До Державина значение термина в единстве его литературного и музыкального смыслов разъяснялось в словаре русского языка Н.М. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...» (1803–1806): «Слово, с испанского заимствованное, означающее: 1) род стихотворения, разделенного на стансы (куплеты. – С. Я.), коего содержание бывает обыкновенно повесть любовная или военная и нередко трагическая; 2) в музыке краткую, простую и приятную арию» (Яновский 1806, 576).

цы; в богомолье, в рыцарских подвигах и волочитстве упражнявшиеся. <...> Словом: романс любит волшебное, чудесное, удивительное, ужасное, мечтательное, любовное, нежное, страстное и всякие издевательские повести обоих полов, а особенно о каком-либо древнем богатыре, странном рыцаре, царе-девице, волшебнике, волшебнице, отшельнике, старинном служивом и проч.» (Западов 1986, 259). «Образу повествования» в романсе, по мысли Державина, должны соответствовать его стиховая форма, слог и способ исполнения: «Романсы состояются краткими четырехстрочными разных родов стихами, более ж трехстопными, легким, простым, ясным, текущим слогом, удобным полагаться на музыку, и препровождаются мелодиею на разных инструментах, а особенно на гитаре» (Там же).

Что же представляют собой, с точки зрения автора трактата, «хорошие, правильные» романсы? Они, во-первых, имеют простой, но не грубый язык (ибо простота «есть душа романсов»); во-вторых, рассказывают о приключениях, но «лирически, то есть: раздельно на четырехстрочные куплеты краткими, выразительными, звучными стихами, с богатыми или счастливыми рифмами»; в-третьих, описывают приключение старинное «и, сколько можно, того времени наречием и покроем»; в-четвертых, избегают как «умничества или учености», так и «варварского невежества»; и, в-пятых, излагают приключения «занимательные, чудесные, трогательные или смешные, почерпнутые из мифологии, истории, басен, романов, сказок и прочих событий времен прошедших» (Там же).

Итак, очевидно, что «эталонным текстом» для Державина служил испанский романс. Описанная поэтом повествовательная жанровая форма, синтезировавшая в себе героику и романтику, отвечала возросшему не только в западноевропейском, но и в русском искусстве эпохи предромантизма интересу к древнейшей национальной истории, фольклору и мифологии. Своими жанровыми особенностями (остротой конфликта, динамикой действия, сюжетной занимательностью, рыцарским колоритом и героическим, «чудесным», любовным содержанием) испанский романс корреспондировал с балладой. Недаром баллада в державинском определении «есть не что иное, как правильная небольшая повествовательная поэма такого же содержания, разбора и вкуса, как романс; но только иные говорят, что романс для пространный, а баллада для краткого повествования; что последняя тоном несколько повыше. И выражении не так простодушны и легки, как у первого» (Там же, 266). Державин, в трактате которого «идеи национального своеобразия и общности исторического развития мировой лирики <...> переплетаются теснейшим образом» (Там же, 245), не мог не воспринять европейскую установку в осмыслении взаимодей-

вовавших жанров. Соответственно вопрос о соотношении жанров «новой лирической поэзии» решался в «Рассуждении» вне отыскания каких-либо канонических различий между романсом и балладой, а «сближение двух жанров, подчас вплоть до их неразличения, порождало терминологическую нечеткость, присущую как русской, так и западноевропейской эстетике» (Ермоленко 1989, 8). В Германии, к примеру, «на рубеже XVIII–XIX вв. понятия *Ballade* и *Romanze*... практически не различались» (Эолова арфа 1989, 14).

Знакомство Державина с современными ему западноевропейскими жанровыми теориями подтверждается поэтом и эстетиком романтизма направления А.А. Писаревым. Как указывается в примечании к переведенной им с немецкого статье «О существенных видах или формах поэзии (Из Пелица)», «сия статья переведена была по просьбе Г.Р. Державина, для сравнения с другим переводом, у него находившимся. Равномерно статья «О разделении поэзии» для него же была написана в то время, когда Г.Р. Державин предпринимал писать «Русскую пиитику», отрывок которой «Об оде» тогда же напечатан был в книжках «Беседы любителей русского слова»» (Калужские вечера... 1825, 100). Причем в упомянутой статье Писарева «О разделении поэзии» романс трактовался как «краткое повествование в стихах о каком-нибудь происшествии, по большей части печальном» (Там же, 127). В то же время, дополняя от себя положения немецкоязычной статьи, в которой устанавливалось, что «цель романа есть возбудить сострадание представлением своего собственного злоключения и оным стараться потрясти в нас одно лишь чувство» (Там же, 136), переводчик заявлял: «...наши словесники балладу и романс почитают за одно и то же. Но правы ли они? – нимало» (Там же, 133).

В связи с этим примечательно, что двадцать шесть былин и исторических песен, вошедших в изданную Ф.П. Ключаревым книгу «Древние русские стихотворения» (1804) из «Сборника Кириши Данилова», квалифицированы Державиным как «древние русские песни, или старинные наши романсы», которые «все почти повествуют о победах наших над татарами» (Западов 1986, 277). Заметим, что и Н.М. Карамзин в статье «Несколько слов о русской литературе (письмо в «Зритель» о русской литературе)», написанной в 1797 г. по-французски для журнала «Spectateur du Nord» («Северный зритель»), употребил термин «романс» в значении, предполагавшем типологическую параллель европейского жанра с произведениями древнерусского фольклора: «Есть у нас песни и романсы, сложенные два, три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч. <...> Есть у нас и старинные рыцарские романсы (герои их обычно война-

чальники князя Владимира, нашего Карла Великого)...» (Карамзин 1984, 91). В том же году в письме к И.И. Дмитриеву Карамзин прокомментировал этот фрагмент своей статьи «о русской литературе для иностранцев» следующим образом: «Означенные мною картины и чувства из русских песен не совсем выдумка...» (Там же, 396). Характерны начальные строки приведенных Державиным в трактате образцов «для подражания» – его собственного «романса» «Царь-девица» и «Вахмистра» Дмитриева: *Царь жила-была девица, – // Шепчет русска старина... (Западов 1986, 262); Сними с себя завесу, // Седая старина!.. (Там же, 260). По предположению Я.К. Грота, «Царь-девица» и создавалась Державиным как пример к его теории романса (см. Сочинения 1868–1878 III, 92). Отнесение данного произведения к «романсу» ученый объяснял тем, что «в то время не один Державин ошибочно понимал это название; тогдашняя пиитика иногда еще смешивала понятия “романс” и “баллада”» (Там же, 93). Примечательно также, что речь о «старинных романсах» с их почерпнутыми из национальной истории сюжетами у Державина идет в разделе «Песня», ибо романс и баллада в его толковании выступают разновидностями песни (наряду с «простой песней»). Песня же, с одной стороны, «разнится с одою», с другой – «одою» (т. е. «лирикой») и является. Привычное жанровое деление поэзии, как известно, автором трактата было разрушено.*

Между тем стихотворение Державина «Луч» («Князь-Гром имел Умилу...»), сочиненное в 1807 г. специально для комедии сенатора и писателя И.С. Захарова, обозначено в рукописи как «романс» (см. Сочинения 1868–1878 II, 423). В нем занимательно и иронично повествуется о несостоявшемся счастье княжеского щитоносца Луча с его «любезной» – княжной Умилой, руку которой Князь-Гром обещал сильному соседу Ветер-хану. Непосвященный, в отличие от своего соперника, в рыцари, Луч, не имея, следовательно, права сражаться с ним за руку... *прекрасной, <...> чтоб отцу любезной // Ничем не согрubitь, // Решился огонь свой нежной // В туманах, в мраках скрыть* (Там же).

Герои державинского «романса» – фигуры условно-исторические – наделены сказочными именами, только Умила – имя реальное. Как сообщал Я.К. Грот, ссылаясь на «Историю России» В.Н. Татищева, «по Иоакимовой летописи, Уми-

лой называлась мать Рюрика, дочь Гостомысла» (Там же). Сказочность и динамичность сюжета, объективированность повествования, установка на достоверность роковых событий, драматический финал – все это соответствует жанровому кругозору баллады. Тогда как в камерности интонации и подчеркнутым благородстве поведения неудачливого «любownika», в использовании этикетных клишированных оборотов (*очей прелестных, тлел день и ночь, с влюбленною душою, души волненья страстной, за сердце... прекрасной, огонь свой нежной*) угадываются черты поэтики травестируемого Державиным любовно-лирического романса. Стихотворение состоит из трех длинных 12-строчных строф, легко распадающихся за счет перекрестной рифмовки на четверостишия, удобные для пения, чему служит и его «песенный» размер – трехстопный ямб. Отмеченные свойства державинского текста позволяют увидеть в нем контаминацию жанровых черт баллады и сентиментального романса, структура которого была опробована еще начинающим поэтом («Песни, сочиненные Г..... Р..... Д.....», датируемые 1760-ми – началом 1770-х гг., особенно «Неизбежным уже роком...») и неоднократно воспроизводилась в позднем его творчестве («Мечта» («Вошел в шалаш мой торопливо...»), 1794; арии и дуэты из «театрального представления с музыкою» «Добрыня», 1804; «Незабудочка», 1809).

Нельзя отрицать того, что зрелый Державин, с позиций предромантизма утверждавший правомерность существования «различных вкусов», направлял творческие усилия на создание в России качественно новой национальной романсной традиции – лиро-эпического, во многих отношениях родственного балладе англо-шотландского типа и испанскому романсу, повествовательного жанра, каким он виделся поэту в противоположность «простой песне». Л.С. Саркисян уже отмечала, что Державин разработал и попытался ввести в русскую словесность ранее неизвестную ей форму «историко-эпического, сказочно-повествовательного поджанра “романс”» (Саркисян 1990, 201). Необходимо лишь уточнить, что свою попытку он намеревался осуществить в условиях перехода литературы от поэтики традиционализма к свободному субъективному творчеству, когда канонические границы между жанрами расшатывались, а внимание поэтов к национальной истории, фольклору и мифологии резко возрастало, в то время как перед предромантиками встала проблема поиска новых стиховых форм и художественных приемов. Повествовательные приемы проникли, например, в «Романс, с каледонского языка переложенный» (1804) М.Н. Муравьева и в лицейский «Романс» (1814) А.С. Пушкина, а в эстетической мысли эпохи романтизма укоренилось представление о том, что «романсы – песни с некоторым рассказом» (Тимаев 1832, 116).

* Современные исследователи расходятся в определении жанра этого произведения, называя его балладой, сказочной поэмой, поэмой в народном стиле (см. Герлован 2007, 170) или «прообразом русской литературной стихотворной сказки на народнопозитической основе, жанра, расцвет которого придется на 30-е годы XIX столетия» (Там же, 179).

Впервые стихотворение было напечатано в «Московском журнале» в 1792 г. (ч. 5, кн. 3) с заглавием «Отставной вахмистр», впоследствии оно публиковалось под названием «Карикатура» (см. Дмитриев 1986, 445).

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. с появлением в литературном обиходе собственно жанрового термина и его активизацией романс в эстетическом сознании Державина под воздействием героико-эпического испанского романса и сказочно-приключенческой баллады, в которой «чудесные происшествия» излагались в лирической форме, трансформировался из песенно-лирического произведения в фабульное (повествовательное) стихотворение. И несмотря на то, что повествовательная («испанская») линия оказалась непродуктивной в перспективе русской поэтической реальности, актуализировавшей лирическое направление в развитии жанра, теоретические воззрения и художественные эксперименты Державина повлияли на дальнейшую литературную судьбу романса. В структуру его прочно внедрился фабульный элемент, что способствовало увеличению вариативности жанровых форм и открывало пути к последующим модификациям романса в контексте индивидуальной авторской эстетики. В поэзии классического периода активизировалось сочинение романсов, содержащих не только лирическое событие, но и событие, объективированное фабулой.

ЛИТЕРАТУРА

Герлован К.О. О жанре и литературных источниках «Царь-девицы» Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 169–179.

Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986.

Ермоленко С.И. Жанр романтической баллады в эстетике первой трети XIX века // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX века: Сб. науч. тр. Свердловск, 1989.

Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 246–281.

Кабардин С.О. Жанровая природа романса в эстетике Г.Р. Державина // Проблемы литературных жанров: Материалы V Науч. межвуз. конф. (Томск, 15–18 окт. 1985 г.). Томск, 1987. С. 14–15.

Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов / Собрал А. Писарев: В 2 ч. М., 1825. Ч. 2.

Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 2.

Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения: Пер. с исп. М., 1961.

Саркисян Л.С. Об одном «несостоявшемся» жанре русской лирики конца XVIII – начала XIX века (Карамзин и Державин) // Русская литература. 1990. № 4. С. 196–202.

Сочинения Державина: В 7 т. 2-е акад. изд. СПб., 1868–1878.

Тимаев М. Начертание курса изящной словесности. СПб., 1832.

Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно <...> как древних, так и нынешних времен: В 3 ч. СПб., 1806. Ч. 3.

Поступила в редакцию 26.04.10.

Светлана Станиславовна Яницкая – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы.